

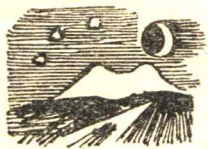
БОРИС ШМИДТ

ДОРОГА
К ДРУЗЬЯМ

С

БОРИС ШМИДТ

ДОРОГА
К ДРУЗЬЯМ

Советский писатель
Ленинград 1941

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сверкали над миром уснувшим
Морозные звезды во мле.
И думал о войнах минувших,
О тех, что гремят на земле;
О дотах в полярной пустыне,
Где армия билась моя.
(Мы с нею — сердцами простыми -
Делили невзгоды в боях.)
Я думал о городе нашем,
О чести, о славе его;
О всеокрушающем марше
Сквозь мертвых снегов торжество.
О тех, презирающих беды,
Отважных и честных друзьях,
Пронесших знамена победы
В суровых и правых боях.
Отыщет взволнованный правнук
Зеленый музейный патрон,
Походы — не знавшие равных! —
В легендах далеких времен.

Сверкали над миром уснувшим
Морозные звезды во мле.
Я думал о Родине, Дружбе,
О многом, что дорого мне.
О нем, современнике нашем, —
Чьей славой Россия горда! —
О Пушкине. Что мы расскажем...
Он с нами, как сердце, всегда!
О первых реблических битвах
В забытом пустом блиндаже.
О тех материнских молитвах,
Что нам не припомнить ужасе.
О парусе — белом и влажном,
О лютой железной зиме,
О доме моем двухэтажном,
О волнах, что бились во тьме,
О нашем коротком веселье
На гулких палубах у огня,
О женщине — в платье весеннем,
Жестоко забывшей меня.
Смыкаются памяти звенья,
Тогда — освещен камельком —
Я вижу — и длится мигонье —
Седого отца под хмельком.
И снова — над миром уснувшим —
Морозные звезды во мле.
...Я думал о Родине, Дружбе,
О многом, что дорого мне.

**СТЯХИ
О ПУШКИНЕ**

**...Веселитесь и вспоминайте иногда
изгнанника...**

А. С. Пушкин

МОЙ ТАЛИСМАН

Кусок коры—даруя вдохновенье—
Перед глазами древний дуб явил,
Что нам шумел легендой откровенья
О Пушкине,
О дружбе,
О любви.

Вершиною упершись в дивный купол,—
Как чудом в небо возведенный мост,—
Он достигает тех мерцавших звезд,
Чей свет еще его в ночи баюкал;

Свидетель той кромешной старины,
Где светят нам лишь огненные звенья—
Его любви,
Страданий,
Вдохновенья,
Такие жизни ясные мгновенья,
Которые вполне векам равны.

Кусок коры, подаренный Тригорским, —
Как талисман, чья огненная печать, —
Я сберегу... Но, если стану черствым,
Ему послушный, должен замолчать!

БАКУНИНА

На липах снег лежит пластами,
В окне—чуть синий утра свет;
Бакуниной всё нет и нет,
В душе волненье нарастает...

А сколько раз он бегал в сени,
Чтоб скрыть смятение свое,
Как если бы землетрясенье
Его постигло без нее.

С томящим сердце замираньем,—
Как будто он спалил Москву
И казни ждет ноябрьской ранью.
Но стоит крытому возку,—
В котором бы она явилась,
Который снегом занесен,—
Мелькнуть в окне:
Наступит милость,
Лишь ею будет он спасен!

Казалось, сердце бьется реже,
Не одолев смятенья тьму.
...Трусит зазябший доктор Пешель.
Но чем бы тот помог ему?!

.

«Жестокая, легко ж забыла!..» —
И он, поникший, отошел.
На лестнице в глазах рябило...
Всё падал снег — мохнат, тяжел...

И сквозь него, как в сновиденьи,
Не помня никаких обид, —
Она явилась светлой тенью.
Был локон инеем повит.

Слегка насмешливою бровью
Непринужденно повела.
И понял он, что в платье скромном
Она еще милей была.

Он мог бы сам просить прощенья
За то, что так ее любил,
Но — в молчаливом восхищеньи —
Он, как от солнца, отступил...

И УТЕШЕСТВИЕ В ГУРЗУФ

Военный бриг двухмачтовый
Буруны разбивал.
А берег — чуть покачиваясь —
Грядюю гор вставал,

Как великан на празднике,
Подвыпивший слегка.
Был август в виноградниках,
Был август в облаках.

Его пирамидальные
Встречали тополя.
«Прощай, моя печальная
Туманная земля!»

Тот берег моря Черного
Был счастлив, как умел:
Вилась тропинка горная,
В долинах лавр шумел;

Татарские селения —
Под гнетом плоских крыш,
Где, словно в час моления,
Склонился кипарис.

И море поднималось,
Как цепь холмов живых,
Влекомых пенным парусом
На безднах голубых,
Чтоб сразу — в даль отбросив их —
Пустыней стать на миг.

...В Гурзуф из Феодосии
Летел военный бриг.
Закатом опаленная,
Волна спешит к волне,
Что изумруд зеленая,
То синяя вдвойне,

Как свет от зимних окон.
И он припомнил вдруг
Твой золотистый локоп,
Далекий милый друг.

И всё, что сердцу мило,
И всё, чем дорожил.
...Он снова светлым миром
Воспоминаний жпл.

Тогда и солнце бросилось
В пучину головой,

И брызги — звездной россыпью —
Сверкали над кормой.

И млечный путь в пространстве,
Как дым от чубука...
А он звездою странствий
Взволнован был слегка.

Свистел рыбацкий ветер
В снастях, как свищет кнут.
Забыв о всем на свете,
Он весь во власти этих
Счастливейших минут!

КАМЕНЬ

Он с ней вчера был снова робок,
Когда поймал сову в душе...
Но встречи дань — с гелиотропом —
Хранится камень на столе;
Тот самый красноватый камень,
Как отшлифованный металл,
Который под ее ногами
Однажды вдруг священным стал.
Забросив всё: стихи и чтение,
Он тосковал еще сильнее.
А камень — вроде развлечения,
Напоминания о ней.
Он льстил себе: сам Байрон, может,
О женщине такой мечтал.
...Но дождь шумит, его тревожа,
Шепча ему, что он устал.
И в этой ласке своенравной
Готов он правду усмотреть:
В конце концов, не так забавно
В глуши уездной умереть!

* * *

Всю горечь изгнашь, разлуки
Забуть и в столетье нельзя...
«Но ваши закованы руки,
Товарищи, братья, друзья!»

Пленительной сказкой старушки
Его не удержишь теперь.
Смятеньем охваченный, Пушкин
Толкает забухшую дверь.

Его не удержишь. Довольно!
Под звезды — в открытый ночлег!
И холодно сердцу, и больно,
И шепчется мартовский снег;

Луны великанская репа
Глядит — не мигая — во тьму
Сквозь злое и сивое небо.
И шлет он проклятье ему —

За горечь изгнанья, разлуки,
Что кажутся пыткой уже...
Железа кандалные звуки
В его раздаются душе.

Он видит товарищей, братьев;
Гремит в подземелье руда,
Но где-то над страшным проклятьем
Зовет и пылает звезда.

Всю боль подневольного сердца
Он нынче забыл бы, простил
Тупому, как пень, самодержцу
За то, чтобы в *Иттер* пустил.

Ничем не удержишь! Довольно!
Изгнанья, разлуки — всего...
А кто он? Да сам он невольник,
И скованы руки его.

Но пень, подвернувшийся слева,
Рассыпался прахом у ног.
Хотелось заплакать от гнева,
Но даже и плакать не мог.

ВСТРЕЧА

Уже совсем размыла осень
Империи почтовый тракт,
Тоскливый вид его несносен,
И лошади бегут не в такт

Той колеєю непролазной,
То вдруг завязнут на бугре.
Равниною однообразной
Глядит дорога в октябре.

Такой, — каким на сердце ляжет, —
России облик сбережешь:
Она в трактирах пьет и пляшет,
И просит радости на грош;

Дика,

угрюма,

бесшабашна

В своей наивной простоте;
С намокшей галкой на кресте, —
Такой ее увидеть страшно.

Тут, верно, Шиллер не спасет,
И лучше — водка с русским салом
Да карты...

Тысячу шестьсот
Он с горя проиграл гусару.

И встал, сердито расплаться,
И тут же сразу занял двести...
...И тот же Псковский тракт и грязь,
Кресты погоста, словно крести,

Над ним седые облака,
Как тень печального рассказа.
И всё — не так.

И всё — тоска.
И скоро станция Залазы,

Где после каторжной разлуки
Тревожных лет сомкнулся круг.
Был краток миг. Дрожали руки,
И юности веселой друг,

Заросший бородой, в шинели,—
Как будто вечность протекла!—
Рыдал, и в памяти шумели
Все липы Царского Села.

Хоть что-нибудь сказать... Но поздно.
Был беспощадно кратким миг!

К ним бросился фельдъегерь грозный,
Жандармы растащили их.

В телеге тряской, арестантской
Вильгельма увезли сквозь дождь.
«... А тут писать сонеты, стансы?!
Простите! Но зачем же ложь?!»

ДОРОГА К ДРУЗЬЯМ

Он из Москвы без разрешенья
Бежал, — не в силах временить.
...Сидят орлы на возвышеньях,
Дороги обозначив нить.

Он едет в бричке — дни и ночи,
Версту считая за верстой.
Орлы сидят на ржавых кочках —
Хранители дороги той.

Один вожак крылатой стражи
Взмывает в голубой поток,
Парит медлительный и страшный
Над петлями степных дорог;

В нем азиатская свирепость,
Над всем повелевает он.

А бричка слажена, как крепость, — ¹
Мушкетов блеск со всех сторон.

Вперед без сна и промедленья!
К друзьям! Застать бы лишь в живых!
Хотя б за час до наступленья,
Но с ними и в объятых их!

И вместе умереть, как надо,
Простым солдатом — без прикрас.
...Белела облаков громада —
В снегу и льдах вставал Кавказ.

И с каждым днем, как нетерпенье
До солнца вырастал Бештү.

«Да что вы, барин! Кони в пене!» —
«На водку дам за быстроту!»

Скорей к друзьям — сквозь дни и ночи!..
В пыли дорожной весь — до пят,
И все же отдохнуть не хочет
Под крышей станционных хат.

И вдруг однажды — необычно —
Замолкнул колокольных звон:

¹ Часть своего путешествия в Арзрум поэт совершил с В. Пушкиным, бричка которого, по словам поэта, являла собой «род укрепленного местечка».

В кибитке молодой калмычки
На полчаса забылся он.

Но, полог войлочный раздвинув
И происшествию дивясь,
Он прыгнул в бричку: «Едем!» кинув,
И темя тер, во-всю смелся.

И прелесть дикости суровой
Уже стихом благословил...
(Забыв на миг о Гончаровых
И ту, что искренне любил.)

Еще в Екáтериодаре.
Он долго вспоминал о ней,
И всю дорогу был в ударе
И больше не хулил коней.

Шли пехотинцы вольным строем,
Катили пушку на виду,
Фитиль дымился, и герои
Прикуривали на ходу.

Поток людей,
Колясок,
Бричек,
Тяжелых двухколесных арб.
Вой,
Ржанье,
Грохот стоязычный,

Стада волов,
Домашний скарб,

Одежд и говорив смешенье,
Гортанный выкрик мусульман, —
Весь этот пестрый караван
В какой-то миг пришел в движенье,
Лишь дробно пробил барабан.

И сразу ожила равнина,
Ее унылые холмы.
Всё развлекало взгляд ревнивый
Поэта.

С наступленьем тьмы
Преддверье гор пред ним предстало,
И света отблеск был багров,
Вершины острие блистало,
Закат, как сердце, пропоров.

Река, стесненная ущельем,
Как зверь, ревет,
Так бьет хвостом,
Что, глыбы обращая в щебень,
Грозит снести его с мостом.

«Вернись!» —
Ревет, объята гневом,
И рушится, сверкая, вниз.
Как эхо повторяет небо
За ней, крича ему: «Вернись!»

Самодержавья гордый пленник,
Он не отступит от пути:
Ему за час до наступленья,
Но только бы друзей найти!

Бежит солдат, ружьем махая:¹
«Не медлите, не то — убьют!» —
«Так что ж?! Видать, судьба такая,
Не все ль равно, что там, что тут!»

На честном слове висли скалы,
Их теснота такой была,
Что только повода искала
Мечтавшая упасть скала.

Здесь даже коням снятся барсы,
Здесь смерть грозит ему во всем.
Но он спешит к ночному Ларсу,
Где есть вино, беседа, сон.

...Пыл страшных рассказней француза,
Скитавшегося тут давно,
Был подтвержден крестом Исуса,

Но кахетинское вино
Поэт спокойно пил.

Померкнул

¹ Солдат опасался выстрелов грабителей с противоположного берега реки.

Последний уголек в золе:
«К чему страшать дорогой смерти,
Мой друг,
Свобода, дружба — верьте —
Вот истинное на земле!»

... Наутро — в путь без промедленья.
К друзьям! Застать бы лишь в живых!
России непокорный пленник
Спешит в армейский лагерь их,
Готовый за друзей — на плаху...

... Такой — в горах — о нем рассказ,
Надвинув на глаза папаху,
Векам передает Кавказ.

БОЛДИНСКАЯ ПОВЕСТЬ

Но тогда я и не думал
поворачивать назад, и глав-
ным образом я тогда готов
бы радоваться чуме.

*А. С. Пушкин*¹

1

Молебны не спасут от бедствий,
И русский не поможет бог:
Холера шла — давя уезды,
Губернии беря врасплох.

Над Астраханью смерч бесчинства
Был завершен. Летела весть.
Но не было на то причины,
Что гостя зазимует здесь.

И мрак ночей опережая, —
На крыльях ужаса и зла, —

¹ А. С. Пушкин называет холеру чумой.

Свирепствуя и разрушая,
Саратов приступом взяла

И дальше двигалась холера,
Всё разметая на пути.
Могла ли тут земная вера
Людей от гибели спасти?!

2

...Уныло скрипнули рессоры...
Махнув на ужасы молвы, —
Взбешённый непристойной ссорой, —
Уехал Пушкин из Москвы.

Все эти споры о приданом,
Намёков каверзных позор,
Чтоб он представил в оправданье,
Что полицейский снят надзор,

Что он свободен — жить семейным,
Что он имеет капитал;
Да сколько душ? Да как сумеет
Вести хозяйство?

Он устал!
От нудных тещиных расспросов,
От всей торговой чепухи;
То на него посмотрят косо,
То вспомнят юности грехи,

То Бенкендорфу шли прошение,
Что дедка «бабку»¹ продает...
Все время думай, что крушенье
Постигнет счастье твое!

«Но как я бредить смел о счастье,
Когда — зависим, нищ и гол?»
И на него глядел с участием
Поросший древним мохом дол.

Ему холера угрожала;
И вспыхивали мятежи,
Навстречу ярмарка бежала,
Забыв товары, барыши...

Хотел вернуться, — миг единый, —
Но сам себе твердил: «Забудь!»
С досадой, как на поединок,
Пускаясь в неохотный путь.

Уже в деревнях карантинны
Не пропускали никого.
Багряные кусты рябины
Встречали в Болдине его.

¹ Здесь имеется в виду ходатайство Пушкина перед Бенкендорфом о предоставлении А. Н. Гончарову — деду будущей жены поэта — разрешения на продажу памятника Екатерины II, который Пушкин в письмах шуточно называл «Медной бабушкой».

Смертельный круг за ним замкнулся,
 Страх суеверный сердце жжал.
 «Пусть будет так!» — он усмехнулся
 И с шумом на крыльцо взбежал.

Он с первых дней отдался храбро
 Делах хозяйства своего.
 И бросил всё, сказавши: «Право
 Не понимаю ничего!

Зачем мне это всё на свете,
 Когда селенья жжет живьем
 Холеры огненосный ветер,
 Витая над моим жильем?!

... И раньше — из Москвы хоть письма,
 Теперь и писем нет давно.
 ... А если эта осень в жизни —
 Последнее, что мне дано?!

И завтра смерти дуновеньем
 Я пораженный упаду...»
 Огонь незримый вдохновенья
 К безжалостному влек труду,

Уничтожая цепи страха,
 Дела веков раскрыв ему.
 Уже слова сквозь пепел праха
 Истории пронзали тьму.

К священной жертве призван снова
И независим, как Гирей;
И лишь его доступны слову
Вершины гор и мрак морей.
Он может: птицами, зверями,
Волною — по желанью — стать.
Он волен говорить с царями,
И судьбы мира начертать.

Сердца людей ему доступны,
Узлы тревог, страстей, дорог.
Он —
Моцарт,
командор,
преступник,
Русалка,
Дон-Жуан,
пророк.

В волшебном перевоплощеньи
Проходят ночи, как года.
Он заклеил врага труда
И плачет, требуя отщепенья.

Уже ему сквозь даль романа
Теперь, — как никому, — видна:
Холеры,
мятежей,
обмана,

Но, верно, ты — времен наследник —
Меня оценишь по уму...»

4

И знает он: судьбы превратность,
Все бедствия не в счет идут,
И можно уезжать обратно
В Москву... что дольше делать тут?

Он, как *поденищик*, вновь зависим,
И лишь звездой любви влеком;
И мысли все о ней, и письма,
И разговоры с ямщиком.

...Вступив в московские владенья —
Плетнева в тот же день моли:
«Ломбард закрыт. Я на мели.
Скорей — не то погибну! — денег!»

Вся жизнь — как жертвоприношенье,
И все-таки люби ее!
И вечно думай, что крушенье
Постигнет счастье твое!

ДУЭЛЬ

Стояло солнце на поляне,
Сугробов — белая сума,
И он пришел, как поселянин,
Как на сто лет к тебе, зима.

Сбежал по ветке ворон юркий
И потрясает граем твердь:
«Карр! Камер-юнкер!
Карр!
Карр!
Смерть!»

Он усмехнулся каламбуру
И, нехотя рукой махнув,
Сел на сугроб,
Медвежьей шкурой
От взглядов сердце запахнув.

Тропинку проторили. Нервно
Над локтем вскинув пистолет,

Прищури́в гла́з, стреля́ет пер́вым
Дантес. И па́дает поэт.

И день померк.
Не так ли, рушась,
Затмили солнце облака
Земли расплавленной —
На ужас
Помпей, падавшей в века?!

И ворон — с клювом самодержца —
Двух крыльев черную кайму
Раскинув,
Смотрит прямо в сердце
И падает на грудь к нему.

СОРОТЬ

На берег Сороти священный,
На безыменные холмы,—
С душой, охваченной смущеньем,—
Как дети приходили мы.

На всем естественность лежала,
Все было здесь его судьбой,
Река в извилах поспешала,
Брежи стада на водопой,

Величественным патрпархом,—
Как снег в горах,—седым до плеч
Возникло облако над парком,
Его пронзал заката меч,

И Сороть стала алой плетью,
Как в дни невольничьи его...
И я был счастлив, что столетье
Не изменило ничего,

Что нам природа сохранила
Суровость русской красоты,
Иных примет не обронила
И не внесла в ее черты.

Пусть берег Сороти священный,
Когда и мы уже умрем,
Всё так же искренне и щедро
Глядит печальным сентябрем.

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Взойди на холм над озером Кучане,¹
Твоя звезда в веках' вознесена,
И сердца твоего односельчане —
Грузин,
Калмык,
Тунгус,
И вся страна,

Готовая с природой состязаться,
С вершины дня, на солнечной тропе,
В содружестве своих республик братских
Являет памятник немеркнувший тебе.

Казах Джамбул пост, и вся природа
Покорная лежит у ног народа.

Поют деревья, облака и воды
О том, с кем запросто встречаются народы,

¹ Озеро Кучане — возле села Михайловского.

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Так вот оно — желанное мгновенье,
И мы уже над бездной волн летим,
Доверив белый парус вдохновенью,
Мы нашей Музе руль передадим,
Ведь только русской Музе — по природе —
Сердечность откровенья суждена;
Хотя из моды Муза вышла вроде,
Для многих все ж — как добрая жена,
В который раз поправившая локоп,
Ждет нас домой, не отходя от окон.
А мы плывем, качаемы весельем,
То ль от друзей,
С пирушки,
С новоселья. . .

Бежит волна — тяжелая, живая,
А мы закурим, лежа на корме.

И маяка — скала сторожевая —
Мелькнет на миг в передраассветной тьме.
А нам всю жизнь итти путем, в котором
Немыслимо себя никак сберечь,
Где каждый слог так баснословно дорог
И все-таки не окупает свеч.
А сколько слов, что ты добыл в пустыне,
Из рук твоих навеки утечет?!

Пройдут года —

сердечный жар остынет,
И чем же ты оплатишь жизни счет?!

Но всё забудь,

веди повествованье

На дальний берег детства, где впотьмах —
Всех милых встреч,

наивных расставаний —

Горел огонь в бревенчатых домах.

(А нынче там — где над Невою клены —
Никто тебе навстречу не спешит...)

Там вырос ты,

угрюмый и влюбленный,

С тех пор, как мир тебе принадлежит.

Но та любовь, что стала явно меньше,

Чем тлеющий под пеплом уголек,

Пусть воскресит одну из умных женщин,

Чей светлый облик ныне так далек.

Зажги скорей звезду воспоминаний

И понапрасну с грустью не борись,

Она пришла

Просить законной дани —

За миг судьбы. Ступай и покорись!
Чтобы вдохнуть опять сладчайший воздух
И осветить тот горный перевал,
Тот монастырь,
Ограду ту,
Те звезды
И тот костер, что с вами пировал.
И вспомни всё—
До мелочи капризной:
О чем поток шептал вам до утра...
Прохладу ночи,
Отблески костра
На темной пирамиде кипариса.
Как в первый день—казалось—в мире пусто,
Все вымерло,
Оставив вас вдвоем.
Тогда,
В ту ночь,
Пришло к тебе искусство,
Немилосердным жгущее огнем.

Достойно солнца,
Взрыва сердца,
Муки,
Наивное, как замыслы детей,
Оно пришло, чтоб разум, душу, руки—
Ты отдал сам целям его сграстей...

Когда рассвет невиданной рекою
Уже вступил на горный перевал,—

Лист кипариса, сорванный рукою,
Ее рукою! — Не ты ли целовал?

И горный ветер — в складках легкой ткани —
У ног ее играл совсем ручной;
Казалось, море приглашало Таню
Сойти на берег, вымытый волной;
Казалось, камни о любви кричали —
Так глаз ее был свет неугасим...
Тогда, тогда впервые зазвучали
Стихи о ней, что ты в душе носил!

Твой смертный час —
далек он или близок,
Но, может быть, теперь признать пора:
Ты много дашь за встречу у костра
Под темной пирамидой кипариса.

Дней не считай — спокойных
и тревожных —
Верь одному упорному труду:
Ты будешь прав —
твое искусство с ложью
Ведет непримиримую вражду.

Поторопись — переверни страницу.
Ты эту ночь неплохо скоротал,
Да и, наверно, лишку наболтал,
А это может вредно отразиться

На замысле...

Рассвета луч дробится
В окне твоём. Нет! — в памяти твоей.
И ты устал.

Тебе пора напиться
Воды студенной.

Лечь в тени ветвей
Родных деревьев, над водой склоненных.
И снова ты —

угрюмый и влюбленный —
Случайный спутник памяти своей:

На берегу — бревенчатый поселок,
Покрашен охрой двухэтажный дом —
То крохотная Охта с невеселой
Плакучей ивою над высохшим прудом...
А там правее —

церковь Магдалины,
И от нее тропинка залегла
На кладбище,

поросшее малиной,
Над ним, как облако, застыли купола.
А там левей —

шумит Рыбачья заводь,
Пропахшая смолой и камышом.
Горят костры.

И дым летит на запад.

Мережи,
Снасти,
Дети голышом;

Блестят баркасы, как тюленья стадо,
Замшелый, ржавый остов корабля,
Как аллигатор...

Что еще мне надо?

О, юности священная земля!

Под этим чистым и просторным небом

Бегут буруны вспененной Невы.

Моряна дует.

Сохнет драный невод.

На фоне ошутимой синевы

Грузили баржи.

Грохот.

Камни. Доски.

На три версты растянуты плоты.

Здесь до меня — я знаю — Помяловский

Прислушивался к сердцу нищеты.

Он здесь бродил —

в мрачнейшем иступленьи —

И видел за Полушечным¹ мостом:

Жандармское — тупое! — управленье,

Да весь в решетках мрачно-красный дом.

А там еще —

На грошиках,

На медных —

Управы² зданье поднималось ввысь,

¹ Торговец, построивший этот мост, брал за переход по нему полушку, отчего мост получил в народе название «Полушечный».

² Здание Охтенской управы. Охта в те времена пользовалась «самоуправлением».

Управы — злой —
На голь,
На нищих, бедных...
Закрой глаза. И сердце — разорвись!

Но он писал своей чистой кровью
И горечью. Он ею был богат.
...Читатель мой, ты посети надгробье,
Где похоронен истый демократ...

В округе нашей жили:

Рыболовы,
Краснодеревщики,
Плотовщики,
Иконописцы —
То народ суровый
И замкнутый,
Извозчики,
Портные,
Печники...

Весь этот люд, за малым исключением,
Умел всегда в глаза беде смотреть
И, если надо, не придав значенья,
За всех друзей достойно умереть.

...Рос под окном невзрачный подорожник,
И вечно ветер выл во всем дому.
Соседский мальчик Сашка был художник,
С воинственным характером к тому.
Он был меня постарше лет так на шесть.

Его отец — знакомец наш — Вершков¹
Уже старел. И основную тяжесть
Семейных тягот мальчик нес легко.
Он рисовал угрюмый дикий Север:
Кусок скалы, овеянный снежком,
Две-три сосны, растущих из расщелин.
И шел пейзаж за рубль с четвертаком.
По воскресеньям, чаще в дни получки,
Пейзажи продавались на толкучке.

Так мы росли, не забывая игры,
В которых Сашка был защитой мне.
Но по ночам еще нам снились тигры
И джунгли — непролазные — в огне.
Он с нами шел от школьной парты серой,
Всесильный,
Смелый,
Хитрый Буссенар;
И в блиндаже — среди дошатых нар —
Он нам казался счастья полной мерой.
Тут ели мы дымящийся картофель
С хрустящей коркой — в пепле и золе.
Кончалось детство. Что нам день готовил,
Осенний день на розовой заре?

С утра свирепый ветер страшной силы,
Как подгулявший молодой пастух,

¹ Смотри петербургскую повесть «Товарищи» в моей книге «Раскованная земля».

В Неву гнал волны.
Баржи и буксиры
С причалов рвало.
Солида лик потух —
Сентябрьский, красный.
Туч тяжеловесных —
Касаясь крыш — стремились табуны.
Стихия, обрета язык железный,
Знать не хотела никакой вины.
Взнуздав ветра,

она с вершины мира
Сплошной лавиной бросилась в залив;
Осенний парк на Стрелке оголив,
Она на город ярость устремила.
Звенели стекла.

В многолюдном Смольном
Готовились стихии дать отпор.
Колокола на древних колокольнях
Гудят во-всю. Но только пуст собор.
Уже Нева, как на дрожжах, на пене
Растет и пухнет,

зла не утолив;
Вода ползет по каменным ступеням,
Как производ чинящий исполнин.
На чердаки укрыться мчались крысы,
Предчувствуя беду. И на торцах
Всплывало всё.
С домов срывало крыши.
День угасал, свирепо отмерцав.

Театры опустели. Пешеходы
Брели в воде по пояс кто куда.
На Певческом мосту — толпа народа,
Телеги и пролетки. А вода
Со всех сторон — свистя и подывая —
Коварно окружает островок.
Плывет нэпман (на бога уповая!),
Не сбросив залихватский котелок.
Но он потонет не сегодня — завтра,
Его сметет истории река.
(Вон из его галантерейной лавки
Волна выносит шляпы и шелка...)
И стойбищем каких-то земноводных
Стоят трамваи в зыблемой воде,
Похожие на вымерших животных,
Которых видел, но не помнишь — где.
А дальше, там — продрогший Медный всадник
Коня торопит, рвется из беды,
А тот косит глаза на палисадник,
Где спит верблюд, напившийся воды;
Туда всплывают бочки, мусор всякий,
Там к небу руки вскидывает сквер,
А позади — сверкает Исаакий,
Как по морям идущий Гулливер.

А я тогда чуть оживал от тифа,
Закутанный в прабабушкину шаль;
Мне уносимых бревен было жаль, —
Ведь сколько дров сожрет зима-шутиха?!

...Здесь на рассвете солнце увидало
Баркас рыбачий. Задремавших в нем
Людей спасенных.

Их всю ночь мотало.
И все-таки стихия покидала
Непокоренный город.

Ни огнем
И ни водой — ни с тверди и ни с моря —
Его не взять! Нет подступов к нему!
Он столько знал
Измен,
Нашествий,
Горя,
Но никогда не сдался никому!

...Баркас стоял на площади Сенатской,
Зачаленный к подножию Петра.
Кругом развал и тишь.
Крестьянин вятский
Благодарил спасителей.

«Пора! —
Сказал Вершков, подбадривая сына, —
Домой — на Охту».

Мало дней прошло —
Он от простуды умер. Лишь осина
Над ним чуть теплится спокойно и светло.
Но сыну завещанье он оставил
Простое и суровое, как жизнь:
«В смертельный час для Петрограда —
Сталин

Принес победу...
За него держись
Всегда, мой сын. И охраняйте сами
Ваш город, завоеванный отцами...»

А годы шли. И вот она, судьбина,
Взяла меня и с другом развела...
И только мысль о женщине любимой
Моим отдохновением была.
Та женщина! Она огнем кометы
Предстала небосклону моему,
Мир осветив души чистейшим светом.
И вдруг неожиданно канула во тьму.
Я оскорбил своим прикосновеньем
Кометы ослепительный поток;
И никогда простить себе не мог
Случайного прекрасного мгновенья.
Зачем посмел? Когда бы мог губами
Лишь потревожить смутный горный след...
Прошли года. Но охраняла память
Моей любви первоначальный свет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Декабрь к нам пожаловал метелью,
Черта на окнах голубой узор.
А в эти дни — с поспешностью смертельной —
Нарушила известный договор
Финляндия. Покорная — Парижу

И Лондону доверила судьбу.
В ту ночь граница сразу стала ближе,
Чем думалось. И наглуго пальбу
Финляндской артиллерии услышал
Советский мирный пограничный лес.
Мы эту ночь когда-нибудь опишем,
Как белофинн к заставе нашей лез,
Укрыт, как зверь, лесов кромешной тенью,
Среди снегов, что чище серебра;
И как в ту ночь, еще храня терпенье,
Войска приказа ждали до утра,
А человек, чей разум мудр и светел,
Как утренняя чистая звезда,
Вновь трубку запалив, с иронией заметил:
«Беда с тобой, Финляндия, беда!»

Но торопил ее хвастливый Лондон,
В мечте — «за так!» — добыть ключи
к Москве.

И час настал — приказ суровый отдан,
И в утренней студеной синеве
Прямой наводкой сбрасывало крыши
Погранпостов на финской стороне.
И в этот час задумались в Париже
О недоступно-дорогой цене
Ключей московских. Было бесполезно
Играть отбой. Уже неумолим
Поток, одетый сталью и железом —
Поток великой армии... В залив
И дальше — в море, в Балтику седую,

Уже врывались наши вымпела;
Громя форты и грозно негодуя,
Чтоб все вопросы жизни и дела
Решить, как подобает, благородно,
Открыто, с честью — на полях войны.

И той зимы, жестокой и холодной,
Мы не забудем —

севера сыны.

Был город бел от стужи заполярной,
Метели шли —

одна другой лютей;

Он сто ночей —

Суровый,

Легендарный, —

Глаз не сомкнув,

на подвиг звал людей.

И вот тогда корабль смертоносный
В рекордный срок достроить взялись мы...

Взрывая лед среди декабрьской тьмы,

Корабль ушел — стремительный и грозный.

Я умолчу о людях, снаряженьи,

О всех его достоинствах иных,

Но те, кто с ним решил вступить

в сраженье, —

Уже не ищут радостей земных.

И на дыбы над ними встало море,

Пустые их сердца оледенив.

И знали мы, друзья мои, что вскоре

Лишь вал морской напомнит нам о них.

Я не забуду никогда, наверно,
Тех огнедышащих, как сказочный дракон,
Ревущих танков, тяжко, равномерно
На много верст занявших перегон
И устремленных верой нерушимой
Туда, на север!

Было невдомек,
Что, может, страшной боевой машиной
Владел веселый вятский паренек.

Я помню миг, —
Но не постигнет разум
Затмения солнца, длившегося миг:
Тьма истребителей
Прошла небо сразу,
И все-таки
Никто не видел их!

Я никогда, конечно, не забуду,
Как шла пехота с песней молодой,
А в песне шла девчонка за водой, —
Я ту девчонку тоже не забуду.
Струился пар. И снег скрипел чудесно.
И кони продвигались, чуть скользя.
Над ржаньем,
Лязгом,
Грохотом железным
Добротных кухонь вкусный дым вился.

Мы провожали воинов на битву...

И со слезой во взоре, но горда,
Седая женщина, шептавшая молитву,
До слез меня растрогала тогда.

Так город жил.

Но, мраком окруженный,
Трудился он теперь уже вдвойне.
А наши сестры, матери и жены
На фронт писали всей своей родне,
Тем, кто, сметая цепи укреплений,
Шел, не колеблясь, думая о нем —
О городе, бессмертном в поколениях,
Чтобы никто — ни сталью, ни огнем —
Грозить не смел —

ни с тверди и ни с моря,
Чтоб все пути военные к нему —
Пути измен,
Нашествий,
Злого горя —
Закрывать навечно.
*Чтобы никому
Повадно не было грозить ему.*

Стояли жесточайшие морозы.
Деревья трескались. А птицы, с них взлетев
(Тут незачем бояться точной прозы!),
На землю падали, совсем заолодев.

Колес и рельс сверкающий металл
Неистово и жутко скрежетал.

С пяти часов земля подвластна мраку,
Лишь в подворотнях — синька огоньков;
И редко-редко знаки Зодиака
Тогда до первых тлели петухов.

А на площадках пар стоял клубами,
Как будто не в трамвае вы, а в бане.

Зеленой вспышкой искры над дугой
Полгорода на целый миг осветит,
И снова тьма. Ан искрою другой,
Как молнией, уступы крыш отметит.
А радио гремит на остановках —
На многолюдных этих островах.

И в каждом доме: мысли об обновлениях
Для армии —

о варежках, носках;

Мои соседи коньяку купили
И теплый шарф, детишки — мармелад.
Они совсем по-взрослому любили
Своих бойцов и снежный Ленинград.

Двенадцать ночи. Ждем последних сводок.
В окно шурша, опять стучат снежки.
Прислушиваясь к вою непогоды,
Передвигаем красные флажки.
Все небо паутиной исполинской
Прожекторов
Исчерчено в ночи:

Не пролетишь,
Хотя бы стал былинкой,
Сквозь эти
Смерть несущие лучи!

И в час такой мы ценим только дружбу
И грубое пожатье твердых рук.
Недаром в повесть, громыхнув оружием,
Обветренный, усталый входит друг!
...Мы говорим о детстве, о плотах,
Но не оскудевает дно кисета;
И вспыхивает заново беседа
О самых честных — воинских — делах,
О том, как Сашка увидал впервые:

«Угрюмых гор вершины снеговые,
Ущелий диких стонущие пасти, —
В них водопада белою бедой
Срывались кручи, разбиваясь насмерть,
Вмиг обрастая льдистой бородой.
Казалось, всё погребено в той бездне
Алмазных глыб, горящих светом звезд.
Снегов сиянье было всех чудесней
В их безмятежном сне на сотни верст.
И верилось: вот повернется с храпом
Иной сугроб, чтоб лечь на правый бок
И дальше спать, сося медвежью лапу.

Над самой бездной,
Как беспечный бог,

Стоит сосна.
И снег окрест развеян,
Лишь золотое облачко горит.
Приди сейчас, казалось, Вейнемейнен,
И сразу всё пред ним заговорит
На языке своих лесных поверий.
Они тебя приветствуют, старик, —
Деревья,
Камни,
Водопады,
Звери,
Снега,
Озера,
Солида медный лик.

Так я стоял на взгорье увлеченный
И молча этот мир благодарил.
...Всё содрогая, взвился пламень черный,
И каждый куст огнем заговорил.
Мне стало ясным тщетное коварство
Моих врагов. И наш черед настал
Открыть огонь.

«Огонь!»

И словно с Марса
Упали камни. Лес загрохотал...
Стал небосклон чернее преисподней.
Смерч царствовал, наверно, два часа,
Казалось, он всю землю к небу поднял.
Когда же просветлели небеса,
То ни горы, где только что бесился

Тот водопад, и ни самой воды
Я не увидел.

Страшно оголился

Лес до корвей. И всё до немоты

Притихло вдруг. Тут мы пошли в атаку,

Сверканьем стали полдня свет затмив.

Священный ключ явился бури знаком:

«За родину!

За Сталина!

За мир!»

Мы скидывали ватники. Морозный

День постепенно в дымке угасал.

И первым пал —

Веселый,

Смелый,

Рослый —

Наш боевой товарищ комиссар.

Но эта смерть внесла такую силу

В сердца бойцов,

Что дрогнул хитрый враг,

И — злобой ослеплен неугасимой —

Он отступил за каменный овраг,

Где укрепился.

Мы не досчитали

Среди своих значительных утрат

Военврача — чудесной нашей Тани

И трех бойцов.

Решили до утра
Их обождать.
Но что такое? Танин
Мы слышим голос из нависшей тьмы.
Все эту песню знали — о баштане
И рыбаке. Повеселели мы.
И двинулись на поиски, ведомы
Все той же песенкой.
И оказалось так:
Оторванных от нас среди содома,
Их спас на время каменный овраг.
Всё это было страшно близко с нами
В шагах, примерно, может, пятистах,
О чем друзья в ту ночь, как мы, не знали.
У них под боком — скрытые в кустах —
Готовились для штурма белофинны,
Чтоб высоту занять и нас отбросить прочь.
Развалы скал, как древние Афины, —
Не их, а нас хранили в эту ночь.

Как доскажу? Такая сушь в гортани,
Что я могу задохнуться от зла
И горечи...

Погибла наша Таня,
Она своих товарищей спасла.
Погибла как... Что говорить напрасно!
Мы подошли к орудиям своим
И так решили: женщине прекрасной
Салют священной скорби отдадим.

«Всё за тебя!»
И вражье укрепление
Мы залили металлом и огнем.
Старинный бор, что рухнул на колени,
Молил: пощады!
Ночь казалась днем.
Пощады нет!
Пощады быть не может.
Уже не враг пред нами —
лютый зверь.

Ни Лондон,
Ни Париж,
Никто теперь
Ему в открытой схватке не поможет.

...Так мы прощались с боевым врачом
И поклялись, что сердце не устанет,
И что ему невзгоды нипочем.
И шел рассвет — всё золотя лучом.
Так мы прощались с нашей милой Таней.

...А я нашел в кармане гимнастерки
Лист кипариса — в книжке записной —
И чей-то стих — наивный и смешной,
В котором время строки частью стерло.
Но верю я: о ней живую память
В сердцах хранит отныне энский полк...»
Чуть шевеля печальными губами,
Рассказ окончил Сашка и умолк.

• • • • •

Лист кипариса кровью был увенчан,
И я святыню эту утаил —
Как знак любви
Одной из умных женщин.
И, может быть, неправ, друзья мои...

ВОСПОМИНАНИЯ ЭТОЙ ОСЕНИ

Да стражи дальный крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно.

А. С. Пушкин

Словно свечи, высокие сосны
Беспечально глядят на закат.
Это осень — медлительно, грозно,
Будто невской волны пережат, —
Подступает к порогу. И скоро
Мелкой сеткой косога дождя
Заштрихован мой северный город,
Чтоб ко сну отойти погода.

Современник — достойный и верный! —
Мы до Зимней канавки дойдем,
Ослепленные тенью бессмертной,
Что возникла в плаще под дождем.

Так ступай же за мной, современник,
Мы Коломну и ночью найдем.

Как столетье назад — в нетерпенье —
Это Пушкин в плаще под дождем
Нас окликнет:

«Откуда? Куда вы?»

Он бежит ото лжи, от молвы,
От долгов, одержимый октавой,
В покосившийся домик вдовы.

Это он — наше солнце и слава,
Открыватель неведомых стран;
Он для нас — по священному праву —
Всей поэзии русской Коран.

Вот она над полетом стрижиным
Вознесла за грядою гряду,
И в снегах голубые вершины!
Я карабкаюсь, лезу, иду;
Пусть израненный — к этим вершинам
Доберусь! И лицом припаду.

...Опадает листва вырезная,
Свежий ветер волнует Неву...

Мне припомнилась осень иная —
Нашей юности осень — ах!
Было то не во время ли оно,
Или раньше, чем Ноев ковчег
На земле — молодой и влюбленный,

Не женатый еще человек,
Я блуждал! (А теперь половину
Жизни словно лавиной снесло.)
Я припомню ее, как былинку,
То есть было... бывало... прошло.

Так мы все прямодушны, без спеси...
И потомки, наверно, найдут
Нашей юности светлые песни —
Те, что с нами в забвеньи уйдут...
.

Жаль, что многих друзей не окликнешь,
И октавой их не созовешь.
Над строфою — седея — поникнешь,
Всё до полночи черкая сплошь,
Чтоб не пел соловьиною курской,
А достойно бы шел по земле,
Видя пасмурный берег французский
И пылающий Лондон во мгле.

Там Вестминстра нетлеющий камень
Содрогает сирены труба.
За семью золотыми замками
Вот какая скрывалась судьба!

Там убежищ железные дверцы
Не укроют невинных детей.
И тревожно отцовскому сердцу
Среди этих военных страстей.

Загораются доки, и пламя
На Ла-Манше, как зори, лежит.
Негодуя и плача, в парламент —
Гордость Англии — Байрон спешит,
Чтобы снова луддитов бездомных
Защитить перед страшной судьбой...
И кремлевской звездой ведомый, —
Нашей Правды всесветный прибой
Слышен там — над землею бездомных,
Значит близок решительный бой!

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	3
----------------------	---

СТИХИ О ПУШКИНЕ

Мой талисман	7
Бакуцина	9
Путешествие в Гурзуф	11
Камень	14
«Всю горечь изгнанья, разлуки»	15
Встреча	17
Дорога к друзьям	20
Болдинская повесть	26
Дуэль	33
Сороть	35
Александру Пушкину	37

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОВЕСТЬ

Ленинградская повесть	41
Воспоминания этой осени	64

Ответств. редактор А. Кривошеева. М1217 Тираж 3000.
Подписано к печ. 18/II 1941 г. Печ. л. 2¹/₈. Уч.-изд. л. 2,8. Зак. № 6742
Лениздат — тип. № 2 Ленинград, Социалистическая, 14.

Цена 1 р. 75 к.

1 р. 75 к.